

55 ЛЕТ ПОБЕДЫ НАД МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИЕЙ И ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Редколлегия ИЭНЖ продолжает печатать главы и части из рукописи воспоминаний И.Т. Артеменко "Забайкальцы за Хинганом" (начало в №4, 1998 г.). Очередная глава к публикации подготовлена заведующим кафедрой гуманитарных дисциплин ЧИ ИГЭА доктором исторических наук, профессором Н.В. Гордеевым

И.Т. Артеменко

В ШТАБЕ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

18 августа 1945 г., в 17-00, в штабе Квантунской армии были собраны командиры боевых участков всех четырех фронтов и армий. Совещание проводил сам командующий генерал Ямада Отодзо, на совещании присутствовал личный порученец императора Хирохито, полковник генерального штаба принц Такэда Хасара. За два часа до этого он вручил Ямаде персональное указание Хирохито, где подчеркивалось, что согласие Японии на выполнение Потсдамской декларации ни в коем случае не распространяется на Маньчжурию и ее вооруженные силы. Это полностью развязывало руки Ямаде и его штабу для продолжения огня и оказания сопротивления советским войскам.

Совещание затянулось. И лишь во второй половине ночи его участники были освобождены и разъехались по своим участкам.

19-го августа в 8-00 (в это время мы уже находились в воздухе на пути к Чанчуню) Ямада приказал вызвать всех руководящих работников штаба, командующего Чанчуньской обороной, командира 148-й пехотной дивизии генерала Суямицу Матохора. Тут же присутствовал и принц Такэда. Ямада был взволнован, нервы его были напряжены до предела. Он выразил крайнее неудовлетворение результатами вчерашнего совещания. На стене против его рабочего стола висела топографическая карта крупного масштаба с нанесенной на ней оперативной обстановкой по состоянию на 6-00 19-го августа, жирными линиями показан отход японских войск на Мукденском, Чанчуньском, Гиринском, Харбинском, Мудандзянском и Ляодунском направлениях. В глубоком раздумии стоял Ямада за рабочим столом, опершись на свой самурайский "меч духа". Он никого не приглашал сесть. Все стояли понуриив головы, хорошо понимали, о чем будет идти речь. Сбор штабных работников после вчерашнего совещания командиров боевых участков,

эффективным, совещание явно не дало ожидаемого результата. Поэтому Ямада и был не в духе.

Новое совещание началось "без каких-либо церемоний и прологов". Так записал в своём рабочем дневнике начальник разведки армии полковник Асада Хати́ро. Дневник стал нашим достоянием после пленения его хозяина и был передан мне 19 августа вечером.

Ямада молча подошёл к висящей карте с оперативной обстановкой и, подняв вверх свой меч, показал им на карту и лишь затем произнёс.

— Как видите, господа, картина очень и очень неприемлемая. Несмотря на секретный приказ императорской ставки и разъяснения императора, наши самураи на практике себя не оправдывают. Очень, очень плохо и даже преступно перед Богом и его императорском величием. Надежда на прилив свежего духа, на стойкое сопротивление во имя духа и даже на камикадзе не оправдалась. Вы посмотрите, что делается на фронтах? Русские прошли там, где ещё никто не проходил. Хинган форсирован. Забайкальцы за Хинганом. Войска императора Пу И и князя Дэвана больше не существуют. Фронт открыт, наши основные силы уже не могут оторваться от преследующего их противника и отойти на западный рубеж, на линию Дайрэ́н, Мукден, Чанчунь, Харбин. Русские спустились с Хингана и заняли Лубей и Тунляо. Полностью блокирован Халунь-Аржанский и Хайларский укрепрайоны, которые больше сопротивляться не могут. Цицикар, Хайлар, Мукден, Харбин, Гирин, Калган, Жэхэ под угрозой падения - так сейчас радируют команды дивизий. Император Пу И улетаёт на юг.

Ямада быстро вышел из-за своего рабочего стола, поднял сжатые кулаки над головой и почти истерически закричал:

— Дух, дух самурайский где?.. Где, я вас всех спрашиваю?..

Затем Ямада заложил руки за спину и быстро заходил по кабинету, продолжая истерические выкрики:

— Почему наш солдат не дерётся так, как русские в Сталинграде? Почему офицеры и генералы наших войск стали не те, что раньше? На что они надеются? На что? Спрашиваю я вас - на позорный плен, на капитуляцию, на милость победителю? О!.. Нет, нет, капитуляция сейчас смерти подобна. Это не то, что было с русскими в 1904 году. У них были другие условия, но они храбро сражались. И если бы не наша разведка, ещё не известно, чем бы закончилась тогда эта кампания. А у нас что? Что, я вас всех спрашиваю. Особенно вас, господин полковник Асада!

Ямада пожирал полковника Асаду своими старческими злыми глазами. В это время, рассказывал позднее Асада, он был похож на пойманного дикого хищного зверя, который уже закрыт в клетке.

Ямада продолжал, обращаясь к Асаде.

— Теперь нас с вами спросят, чем мы занимались тут много лет. Что мне теперь ваши лаборатории с крысами и другими микробами? Где их теперь прикажите применить, на своей собственной шкуре, так ли господин полковник Асада? Почему у нас нет солидных агентов среди русских, на которых, подобно маршалу Ояме, я бы смог опереться в критический момент, вот именно сейчас, сейчас. Отвечайте! Почему вы все молчите? Теперь барон Ямада за всех будет в ответе и перед императором и перед Богом. Что? Может быть харакири? Но нет, нет... Сначала все вы, а затем я ("Таким разъяренным мы генерала ещё не видели", - записал в своём дневнике Асада"). Я не такой фанатик, как вы меня считали и описывали для русских.

Все молчали. Ямада резко, как и начал, успокоился и уже тихим, даже каким-то жалобным голосом произнёс:

— Ну почему же молчите, говорите, говорите, прошу вас.

Ямада отошёл от полковника Асады и снова тяжело дыша подошёл к карте, внимательно, будто впервые стал ее рассматривать.

Вице-начальник штаба, он же начальник оперативного управления генерал Тамокацу нарушил глубокое молчание первым. Он прямо ответил командующему:

— Русские, ваше превосходительство, сейчас не те, что были в 1904 году.

— Русские, — добавил полковник Асада, — исключительно изменились, совсем не те стали. Особенно победоносно завершив войну с Германией. Нашей разведке исключительно трудно. Деньги и даже золото не помогли нам в приобретении нужных агентов среди русских. Даже среди низших чинов, военнопленных и изменников, не говоря уже об офицерах и их среды.

Ямада резко обернулся, отошёл от карты и снова приблизился - подошёл к Асаде. И уже не говорил, а как-то свирепо рычал:

— А вы, вы разве те сейчас, что были наши соотечественники в 1904 году? Почему не учили всего этого?.. Теперь ведь поздно ошибки исправлять. Что прикажете делать? Почему русские весь эфир заняли своими запросами и требованиями на гарантию перелета парламентаров? А кто, откуда и когда вылетает, вы тоже, очевидно, не знаете, да? Не знаете, господин полковник? А вы ведь в России на стажировке были. Россию изучали, вас многому ведь учили в академии генерального штаба. Вы должны были хорошо изучить русских, тем более знать их повадки. Повадки хитрой северной лисы. А результат, результат где?

В это время (как потом рассказывал мне Асада) вошел взволнованный дежурный офицер с радиограммой в руках и доложил Ямаде, который стоял в растерянной выжидательности:

— Ваше превосходительство, на ваше имя лично радиограмма от русских.

Выслушав доклад, Ямада взял в руки радиограмму и молча передал ее Асаде, тихо сказал:

— Читайте и поточнее переводите.

Асада, волнуясь, быстро читал и переводил:

— 19 августа в 8-00 группа парламентариев в составе пяти офицеров и шести рядовых, возглавляемая моим особоуполномоченным полковником Артеменко И.Т. самолетом СИ-47 в сопровождении истребителей отправлена в штаб Квантунской армии с ультиматумом о безоговорочной капитуляции и прекращении огня. Все самолеты имеют на крыльях белые полосы, а личный состав белые повязки — парламентские знаки согласно всем международным правилам. В последний раз требуют обеспечить и подтвердить гарантию на перелет. В случае нарушения международных правил вся ответственность ляжет на вас лично. Подпись: Р.Я. Малиновский, командующий Забайкальским фронтом, Маршал Советского Союза.

Ямада снова вспылал:

— Ну вот видите, даже не генерал, а полковник уполномочен диктовать мне условия капитуляции. А кто он, этот полковник? Возможно, как и его командующий — маршал в генеральских погонах, он генерал в полковничьих погонах. Кто он, что еще можно с ним сделать в воздухе и тут у нас, на нашей земле? Вы тоже не знаете, никто не подумал?

Ямада в упор спрашивал Асаду:

— Кто он, этот полковник, как его миссию можно нейтрализовать, вы тоже можете быть не знаете?

— Абсолютно ничего, подобно тому, как и о командующем Забайкальским фронтом "генерале Морозове" — Маршале Малиновском, — ответил Асада.

Это ещё больше взбесило Ямаду. Казалось, он с трудом сдерживал себя:

— Не знаете, не знаете, и даже абсолютно! Это очень плохо, что начальник разведки моего штаба, лучший офицер императорской армии не может знать того, что нужно, и немедленно нужно его командующему. Это не делает вам, как начальнику разведки, чести! Это очень и плохо и недостойно! А вот он, русский полковник, наверняка знает нас с вами, раз ему поручили такую миссию лично ко мне. Мало того, что у вас нет никаких данных о русских парламентарях, вы даже не можете предложить своему командующему что-либо реальное в отношении парламентариев и их визита к нам.

Ямада отошёл от Асады и устало, старчески опираясь на свой самурайский "меч духа" как на костыль, приблизился к рабочему столу и с трудом опустился в кресло. Все молчали, наблюдая за ним. Асада, набравшись духа, подошёл к Ямаде и, нагнувшись, доложил:

— Я вам, ваше превосходительство, предлагал в случае необходимости повторить опыт Будапешта.* У нас есть превосходный и разработанный в деталях план, требуется лишь ваше согласие. Ваша персональная ответственность исключается. Все это дает нам еще два — три дня на перегруппировку сил, а это уже выигрыш.

Ямада внимательно молча выслушал Асаду. Затем как обожженный вскочил со своего кресла и стуча обеими кулаками по столу закричал:

— Будапешт! К черту ваше предложение, ваш Будапешт! Я не фашист, я генерал и солдат императорской армии. Я не хочу быть палачом, не хочу разделять участь и судьбу Кейтеля, Геринга и других немецких военачальников. Я скорее пойду на харакири сам, чем выполню ваше предложение. Вы, видно, плохо знаете этих русских. Я их немного изучил по опыту 1904 года, по Порт-Артуру, немного и по 1921-22 годам, по 1938 и 1939 годам. А ведь вы в Токио сидели, в генштабе по писаниям, а может быть и романам русских изучали. Вы что, хотите сами и советуете мне идти к русским с готовой петлей на шее?

Ямада предельно нервничал, казалось даже стал заикаться.

Тогда в разговор вмешался личный порученец императора принц Такэда. Он попытался успокоить Ямаду, предлагая ему срочно и под его личную ответственность приступить к выполнению личных указаний императора. А это означало немедленное приведение в полную боевую готовность бактериологических отрядов №731, 125 и других, лично известных лишь ему - Ямаде, и выведение их на внешнее кольцо основной обороны — Дайрэн, Мукден, Чанчунь, Харбин. Все присутствующие молчали. Ямада нервно ходил по кабинету, затем резко остановился возле полковника Такэды:

— Нет, господин полковник, нет, нет. Его величество может это мне рекомендовать лишь в случае самоубийства всей армии. А ведь ар-

---

* 29 и 30 декабря 1944 г. в распоряжение окруженных в Будапеште немецких войск были поочередно направлены две группы советских парламентариев с требованием о прекращении сопротивления и немедленной капитуляции. Обе группы постигла трагическая участь. Озверевшие фашисты, подпустив их на близкое расстояние, расстреляли в упор. Этот план, как стало известно в ходе Хабаровского процесса над японскими военными преступниками, должен был осуществиться и в Чанчуне — даже в том случае, если бы его не санкционировал генерал Ямада. За все отвечал полковник Асада как автор плана и начальник разведки и начальник обороны Чанчуна генерал Суямицу. (Ред.).

мия, мои солдаты, я и вы тоже — хотим жить и сражаться. Ведь мы прежде всего люди одного Бога, одного духа. Нет, господин полковник, этого допустить нельзя. Ведь сейчас о победе не может быть и речи. Сейчас нужно думать о другом, о самом сложном, ответственном и неизбежном. Я, хотя и близок к политике, но я прежде всего солдат, солдат его императорского величества, солдат восходящего солнца и духа самурая.

— Ваше превосходительство, — торопливо перебил Ямаду принц Такэда, — прошу учесть мои полномочия и переданные вам мною от имени его императорского величества указания. Вы командующий лучшими японскими войсками в Маньчжурии и наместник его императорского величества. Вы несете всю полноту ответственности за судьбу наших армий и за Маньчжурию в целом, которая, как вы знаете, очень и очень дорого стоит Японии. Но мне не хотелось бы быть свидетелем позорной ее кончины по вашей вине, по вашей воле. План господина полковника Асады очень разумный и своевременный в данной ситуации. Вам его необходимо санкционировать. Что прикажете передать его величеству? Мне пора возвращаться.

Ямада выслушал Таккэду и как будто бы безразлично ответил:

— Да, да, вам пора. Вы свою миссию выполнили. Императору прошу передать, что барон Ямада сделает все зависящее от него для того, чтобы сохранить армию, не ручаясь за ее дух и боеспособность. Если я сохраню людей, вернее их жизни, тогда армии не будет.

И сжав голову руками, продолжал:

— Не будет, господа, не будет!

Немного успокоившись, он уже почти ровным голосом обратился к присутствующим:

— Господа генералы и офицеры! В этом теперь повинен не один Ямада. Так можете и передать его величеству.

Затем, уже официально обращаясь к генералу Тамокацу, Ямада отдал ему приказание:

— Генерал, распорядитесь отправить полковника в Токио, ему пора.

— Самолет готов, - ответил Тамокацу.

Но принцу не суждено было передать императору последний доклад Ямады. В это время вошёл дежурный офицер и доложил:

— Ваше превосходительство, из пункта ПВО сообщили, что русский тяжелый самолет с белыми полосами на крыльях в сопровождении большого эскорта истребителей появился юго-западнее Сепин-гая. Навстречу ему вылетела группа наших лучших истребителей.

Ямада, выслушав дежурного, сделал ему знак рукой удалиться и, низко опустив голову, произнес:

— Это парламентареры. Генерал Тамокацу, немедленно передайте мой приказ штабу воздушных сил: в бой не вступать, русский самолет сопровождать на центральный аэродром, выехать с полковником Асадой и встретить русских по всем международным правилам. Вежливость и такт воинского гостеприимства прежде всего. Старшего русского офицера сопровождать лично ко мне. Ни в какие переговоры не вступать. Вам, генерал Суямицу, обеспечить полную гарантию проезда русских через город. И чтобы никаких помышлений о спасении армии и ее духа способом Будапешта не было. На все будут лишь моя воля и решение. Исполняйте!

Не успели Тамокацу и Асада выйти из кабинета, как вновь появился дежурный офицер и растерянным голосом доложил:

— Ваше превосходительство, русские! Русские над нами!

Ямада махнул рукой, вышел на открытый балкон и взгляделся вдаль.

— Вижу, вижу и без доклада, идите, - обратился он к дежурному. — Самолет делает круг. Да, это роковой круг над нами, над нашей всей армией. Этот круг замыкается и замыкается, кажется, основательно. Но есть ещё надежда на Бога, на то, что время победит и наша армия будет жить, не как военная сила, а как группа людей. Да, это русские парламентареры заканчивают свой путь, путь к сердцу и мозгу нашей армии. Как не похож этот путь на путь парламентареров японской армии в 1904 году в Порт-Артуре. Генералу Тамокацу и полковнику Асаде срочно встретить парламентареров!

Генерал Тамокацу и полковник Асада быстро покинули кабинет Ямады. Тот продолжал:

— Да, не похож, не похож.

Ямада прослезился, не выдержали старческие нервы. Он разрешил всем сесть, сам сел в свое рабочее кресло и погрузился в задумчивость. Стояла мертвая тишина. Первым нарушил ее полковник Такэда:

— Так что же это такое, ваше превосходительство? Как это всё понимать?

— Это, господин полковник, урок истории, — ответил Ямада.

— Да истории, но только в обратном смысле. Это то, что свершилось 40 лет тому назад. Но только обратная картина. Да, господа, обратная. Вы, полковник, молоды и вам этого не понять. Это поистине обратная сторона того, что было так давно в Порт-Артуре и свидетелем чего в ваши годы пришлось мне быть. А сейчас свидетелем подобного свершения предстоит быть и вам, хотите вы этого или нет. Вам, господин полковник, необходимо оставаться тут с нами в этот тяжелый роковой день и час для меня и армии как приближенному нашего всеми дорого-

го и любимого Хирохито. Судьба есть судьба, и от нее никуда не уйдешь.

— Возражать не стану вашему превосходительству, — медленно проговорил Такэда. — Но выход необходимо срочно искать. Хотя бы это и стоило большого риска. Судьба парламентаров в наших руках, а решиться она должна вами.

Ямада резко поднялся:

— Последний риск уже сделан. Я как старший военачальник и солдат вынужден принять решение и, очевидно, в душе принял его в этот роковой час.

Ямада снова выслушал дежурного, который опять зашёл в кабинет и доложил:

— Ваше превосходительство, из аэропорта сообщают, что русский двухмоторный самолет и два истребителя совершили посадку. Шесть истребителей в воздухе над аэродромом полностью блокировали весь военный аэропорт. Наши самолеты подняться не могут. Начальник авиабазы просит указаний.

— Начальнику авиабазы — твердо заявил Ямада, — указаний не будет. Как встретили русских? Полковнику Асаде, — обратился затем к выходящему из кабинета дежурному, — повежливее и поскорее сопроводить русских ко мне сюда, в штаб.

В кабинете вновь воцарилась мертвая тишина. Её нарушил дежурный офицер, на этот раз он доложил:

— Аэродром блокирован основательно. Самолет с императором Пу И возвратился из Кореи в Мукден. Полковник Асада встретил русских, те обменялись любезностями, встретились с генералом Тамокацу и сейчас на машинах отбыли сюда. Проезд обеспечен с гарантией. У подъезда для встречи выстроен почетный караул из вашей личной охраны во главе с полковником.

— Полагаю, — заметил Ямада, — что господину полковнику Такэде как офицеру Генштаба тоже надлежит встретить представителя русских.

Тут же он приказал вызвать его личных переводчиков и послать за Чжан Цзингуэем, премьер-министром правительства Маньчжоу-Го. Затем тяжело сел в кресло и уныло произнёс:

— Да, рок судьбы приближается. История, история, судьба! Как ты, судьба, изменчива, как ты несправедливо со мной поступаешь...

Обо всем этом мне подробно рассказал Такэда в частной неофициальной беседе уже после подписания акта капитуляции. Одновременно полковник Асада поведал о секретных переговорах, состоявшихся между ним и Ямадой за два дня до капитуляции.

А было так. Очередная разведсводка по фронтам сообщала: "Русские запрашивают гарантию на перелет парламентарской миссии в Чанчунь с ультиматумом русского командования нам, командованию японскими войсками в Маньчжурии." Генерал Ямада внимательно выслушал доклад своего начальника разведки, спросил, что он знает о парламентарских миссиях русских и их ультиматумах германскому командованию и вообще противнику. Асада, как опытный разведчик, конечно, знал если и не все, то наиболее значительные случаи из истории парламентарских ультиматумов русских на определенных этапах тех или иных войн. И почти не задумываясь докладывал Ямаде: "Первый ультиматум Блюхера русскому белогвардейскому генералу под Волочаевкой. Ультиматум Фрунзе барону Врангелю на Юге России. Ультиматумы немецкому командованию под Сталинградом, под Корсунь-Шевченковском, в Яско-Кишневской операции и, наконец, Будапешт. Все эти ультиматумы вручались противнику организованно, со знанием и соблюдением всех международных и гуманных правил через парламентаров, с соблюдением всех военных ритуалов."

Ямада, перебивая Асаду, спросил: "А чем заканчивались все эти переговоры, их конкретные результаты?" Асада продолжал: "Переговоры, как правило, заканчивались отказом принять ультиматум..." Асада замолчал. Тогда Ямада поспешно спросил: "А потом?". Асада помолчал, затем быстро ответил: "Разгром - полный разгром и пленение, так было во всех случаях."

Ямада продолжал расспрашивать: "Значит, вы хотели и мне доложить, что эти события были закономерными и с военной точки зрения целиком обоснованными. Это мне понятно и без вашего доклада. А вот как противник в каждом конкретном случае обходился с лицами, уполномоченными для вручения ультиматумов - парламентарями?" Асада в задумчивости помолчал, а затем ответил, хотя и понимал, что это не понравится генералу: "Вашему превосходительству и без моего доклада все это хорошо известно."

Ямада не ожидал такого дерзкого ответа своего подчиненного, но смолчал. Молчал и Асада. "Да, известно, - как бы между прочим продолжал Ямада, - но особенно Будапешт. Вам, полковник, следовало бы об этом подумать раньше и уже сейчас придти к своему командующему с конкретными предложениями, а не сообщать об исторических фактах." Асада ответил: "Нами разработан конкретный план встречи, обращения и проводов русских парламентаров. Этот план согласован с командующим отрядом камикадзе и их штабом, отработан и сегодня на вечернем докладе будет доложен вашему превосходительству."

Ямада с большим вниманием выслушал Асаду, подвел итог: "Учтите все "за" и "против", по опыту немецкого командования. Вы свободны."

Асада ушел к себе, долго сидел и думал, прикидывая различные варианты, как сказал Ямада, "за" и "против". Но так и не смог решить, что лучше. Асада чувствовал, что командующий пытается склонить военную обстановку к такой степени, чтобы не быть прямым виновником этих событий. Он понимал, что генерал Ямада, в случае повторения с русскими парламентарями случая Будапешта, хочет полностью умыть руки и остаться непричастным к пока ещё планируемой операции.

Асада отдавая себе отчет в том, что операцию по уничтожению парламентаров русских войск и их командования надо спланировать и осуществить так, чтобы вся ответственность легла на плечи камикадзе. Ссылки на природный национальный фанатизм — именно это освобождало командование японских войск, в частности Ямаду, от прямой ответственности за гибель русских парламентаров. Виновных в этом не должно быть. Так обдумывал Асада план, который он должен доложить командующему во время предстоящего доклада.

Зайдя в свой кабинет, Асада по привычке просмотрел подготовленные ему адъютантом сведения с фронтов. Особое внимание он обратил на сообщение, где говорилось, что противник (русские) ведет активную радиопропаганду, обвиняет командование Квантунской армии в нежелании сообщить свой ответ на запросы маршала Малиновского о гарантиях на перелет и встречу советских парламентаров согласно всем международным правилам. Если еще вчера Ямада и он сомневались в том, что парламентары Малиновского смогут по воздуху за 500 километров от линии фронта прилететь в штаб Квантунской армии с ультиматумом своего командования без согласия Ямады, то сейчас Асада был глубоко убежден, что это неизбежно свершится, и свершится независимо от ответа японского командования.

То, что безоговорочная капитуляция вопреки распоряжению императора Хирохито неизбежна, становилось очевидным. Об этом, конечно, знал и Ямада, хотя сделать прямое признание пока не мог. Значит, он, Асада, должен будет доложить командующему Квантунской армии эту, как он её назвал, истину. В чем он, как начальник разведки, абсолютно не сомневался.